

В диссертационный совет Д 999.017.03, созданный на базе
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта»,
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
236006, Калининград, ул. Фрунзе, д. 6

ОТЗЫВ

официального оппонента

Тимошиной Елены Владимировны

на диссертацию

Фадеевой Елены Сергеевны

«Правовой мониторинг институтов государства»,

представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук

по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

Теоретическое осмысление мониторинговой деятельности в сфере права является важной научно-практической проблемой. Ограничение мониторинга в основном сферой практики применения нормативных правовых актов оставляет за пределами внимания иные объекты, на которые может быть направлена мониторинговая деятельность, в частности институты государства. Разработка теоретико-методологической основы мониторинга институтов государства – *актуальная научная проблема*, решение которой способствует совершенствованию правовой системы и эффективности деятельности институтов государства. Е. С. Фадеева убедительно обосновывает актуальность своего исследования на с. 3–5 диссертации.

Объект и предмет, цель и задачи исследования сформулированы корректно (с. 6–7). Диссертационное исследование соответствует заявленной

в нем научной специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Методология исследования основана на структурно-функциональном подходе, с применением общенаучных и частно-научных методов (с. 10–11). Теоретическая, нормативная и эмпирическая базы исследования достаточны и репрезентативны. Библиография включает 278 наименований. Эти стороны диссертационного исследования, в сочетании с критической оценкой и аргументированной интерпретацией источников обусловили *достоверность* и *обоснованность* полученных Е.С. Фадеевой научных результатов. Библиографический и ссылочный аппараты диссертации соответствуют установленным требованиям оформления.

Основные результаты диссертационного исследования Е. С. Фадеевой апробированы. *Высокую степень апробации* обеспечили выступления с докладами на всероссийских и международных научных конференциях; публикация 13 статей, в том числе 5 статей в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; внедрение отдельных положений исследования в учебный процесс Балтийского федерального университета им. И. Канта и в практическую деятельность Калининградской областной Думы, Агентства по обеспечению деятельности мировых судей Калининградской области. Предложенная в диссертационном исследовании структурно-функциональная модель мониторинга институтов государства апробирована автором в рамках проведения мониторинга мировой юстиции в Калининградской области, результаты которого отражены в приложениях 1–3 к диссертации.

Структура и содержание диссертации логичны, последовательны, соответствуют поставленной цели и задачам. Работа состоит из трех глав, объединяющих 10 параграфов, заключения, списка литературы, списка иллюстративного материала, приложений. Автореферат соответствует основному тексту диссертации, в нем полно изложены основные положения исследования.

В первой главе диссертации *«Теоретико-правовые основания правового мониторинга институтов государства»* (с. 17–56) автор анализирует понятийный аппарат, связанный с проблематикой понятия «правового мониторинга», разграничивает и уточняет определения основных понятий, обосновывает структурно-функциональный подход как основу для предлагаемой модели мониторинга институтов государства и дает общую характеристику уровням модели (базовому и инструментальному), подробная разработка которых предпринимается в следующих главах диссертации.

Во второй главе диссертации *«Базовый уровень модели правового мониторинга институтов государства»* (с. 57–91) рассматриваются понятие и основные характеристики института государства как объекта мониторинга, определяются предмет, субъекты, участники и виды мониторинга институтов государства.

В третьей главе диссертации *«Инструментальный уровень модели правового мониторинга институтов государства»* (с. 92–163) раскрываются вопросы целеполагания в ходе мониторинга институтов государства, принципы мониторинга, его средства, методы и стадии.

Диссертационное исследование отличает ясный стиль изложения, хорошее владение анализируемым материалом. При этом автор не просто представляет в диссертации ту или иную научную позицию, но и дает ее критическую оценку, указывает присутствующие в ней теоретически значимые моменты, избирая их в качестве основы для собственных выводов и дальнейшей самостоятельной разработки. Каждый параграф завершается кратким представлением полученных результатов.

Вместе с тем в диссертации Е. С. Фадеевой имеются и спорные положения.

Главный вопрос касается понятия правового мониторинга. Проблема состоит в том, что собственно делает мониторинг правовым? В работе есть несколько ответов на этот вопрос, но ни один из них не представляется удовлетворительным.

Один из ответов состоит в том, что мониторинг является правовым вследствие того, что его *объектом* является право. Правовой мониторинг,

поясняет автор, – это «деятельность по наблюдению за правовыми явлениями» (с. 27). Это весьма слабый аргумент, уязвимость которого легко продемонстрировать: логика этого аргумента приводит к тому, что наблюдение за явлениями морали, вероятно, следует признать моральным мониторингом, за эстетическими явлениями – эстетическим мониторингом *etc.*

Второй вариант ответа на вопрос о том, что позволяет называть мониторинг правовым, просматривается в суждении автора о том, что «само обозначение деятельности как “правовой мониторинг” уже содержит в себе информацию о том, что речь идет об объектах, регулируемых правом» (с. 61). Отсюда следует, что объектом мониторинга являются не просто «правовые явления», а явления, «регулируемые правом». Такой ответ также едва ли удовлетворителен, так как, например, профессиональная культура судей, которая была объектом мониторинга автора диссертации, может быть рассмотрена как правовое явление, но очевидно не относится к явлениям, «регулируемым правом». Таким образом, если ориентироваться на предложенный критерий, то либо исследование автора не является мониторинговым с точки зрения критериев, используемых автором, либо критерий эксплицирован неверно.

Третий из ответов, надо полагать, состоит в том, что правовой мониторинг осуществляется профессиональными юристами, т.е. вводится *субъектный* критерий. Такой вывод можно сделать на основе суждений автора о том, что «правовой мониторинг является юридической деятельностью» (с. 37, ср. также: с. 50), в то время как, например, «социологические исследования проводятся преимущественно социологами, а не юристами, что, безусловно, придает данным социологических исследований неюридический характер» (с. 127). Отсюда следует, что социологи не могут осуществлять «правовой мониторинг». Это весьма странный аргумент, логика которого вновь приводит нас к тому, что мониторинг, осуществляемый юристом, будет правовым, социологом – социологическим, специалистом в области этики (морали) – этическим (моральным) *etc.*

Видимо, этой логики придерживается и сама автор диссертационного исследования. Весьма показательно, что исследование профессиональной субкультуры российских судей, выполненное социологами, автор называет «социолого-правовым» (с. 210; см.: Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова. М., 2016), а собственное исследование – того же, по сути, предмета – профессиональной культуры мировых судей Калининградской области – правовым мониторингом государственного института мировой юстиции (с. 69). И это несмотря на то, что в обоих исследованиях применяются методы эмпирических социологических исследований (анкетирование, опрос и т.п.).

Вероятно, корректный ответ на поставленный выше вопрос лежит в области методологии. Мониторинг будет юридическим или, если использовать терминологию автора, «правовым», в том случае, если при его осуществлении используются специфически юридические методы.

Например, мониторинг правоприменения будет «правовым», если субъект мониторинга стремится выявить не причинно-следственные, а логические отношения между судебными решениями и правовыми нормами, а также единообразие соответствующих логических отношений в судебной практике в целом. Методика мониторинга правоприменения, утвержденная постановлением Правительства РФ от 19.08.2011 № 694, как известно, предполагает оценку практики применения правовых актов по восемнадцати показателям (коллизия правовых норм, несоблюдение пределов компетенции органа издавшего акт, отсутствие единообразия в практике применения правовых норм, неверное толкование правовых норм и т.п.), каждый из которых имеет специфически юридический характер, т.е. предполагает логический и системный анализ содержания правоприменительных решений и норм действующего законодательства. Указанный анализ представляет собой специфический метод юриспруденции, отличающийся от методов эмпирических социологических исследований, включая и эмпирическую социологию права, ориентированных на анализ фактического поведения. Наиболее близкие к мониторингу правоприменения социологические методы анализа текстов, в частности, контент-анализ, рассматривают текст как

репрезентацию другого объекта – определенной группы или исследуемой ситуации,¹ в то время как юридический метод, как уже отмечалось выше, стремится выявить логические отношения между судебными решениями и (общими) правовыми нормами.

Мониторинг правоприменения будет *социологическим* (*социолого-правовым*), если субъект мониторинга стремится выявить социальные факторы, влияющие на принятие решений судьями, оценить социальные последствия определенной судебной практики и т.п.² Вероятно, он также может быть *лингвистическим*, *статистическим* и т.п.

Демонстрируемая автором методология «правового мониторинга» как в рамках собственного исследования профессиональной культуры мировых судей (в котором использовался социологический метод анкетирования), так и в рамках разрабатываемой в диссертации структурно-функциональной модели мониторинга не является специфически юридической. «Правовой мониторинг» рассматривается автором как «деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации» (с. 12, 70, 164). Конкретизируя методы мониторингового исследования в сфере права, автор приводит такие методы, как опрос, подчеркивая, что он является «социологическим методом», в том числе опрос общественного мнения и опрос экспертов, интервью, анкетирование, наблюдение, контент-анализ, математические методы, методы статистического анализа и др. (с. 134–139). Точно так же не являются специфически юридическими и источники информации, которая подлежит «сбору, обобщению, анализу и оценке». В числе таких источников, наряду с нормативными актами и судебной практикой, – средства массовой информации, статистические документы, материалы научных исследований, материалы социологических исследований, информационные ресурсы глобальной сети и др. (с. 125–128).

Таким образом, в работе не предложен какой-либо ясный и бесспорный критерий, позволяющий объединять все эти методологически и предметно

---

¹ Дудина В. И., Смирнова Е. Э. Методология и методы социологических исследований. СПб., 2014. С. 235.

² Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. № 4. 2017. С. 34–42.

разнородные исследования в единое понятие «правового мониторинга», видом которого является «правовой мониторинг институтов государства». Думаю, что автор попала в языковую ловушку, некритично восприняв сложившийся в научной литературе термин – «правовой мониторинг», в то время как он очевидно нуждается в критической оценке и методологической ревизии. Остается не проясненным, как правовой мониторинг соотносится с эмпирическими социологическими исследованиями? Один из вариантов ответа автора на этот вопрос, заключающийся, как уже отмечалось, в том, что ее собственное исследование профессиональной культуры мировых судей является «правовым мониторингом», а аналогичное с точки зрения предмета и метода исследование социологов – социолого-правовым, едва ли убедителен. Думаю, что корректнее было бы говорить о комплексном мониторинге государственных институтов, осуществляемом с помощью различных методов, например, собственно юридических (в той степени, в какой речь идет о мониторинге законодательства и правоприменения, осуществляемом специфическими юридическими методами), а также с помощью социологических, лингвистических, статистических и иных методов. Таким образом, понятие «правовой мониторинг» представляется в известной мере искусственным, теоретически и методологически не проясненным, образованным по аналогии с тем, как в кулинарии существуют понятия «дичь» или «зелень», объединяющие разнородные с точки зрения научной классификации явления.

Последнее соображение связано с оценкой эффективности функционирования государственного института, рассматриваемой в качестве одной из «первостепенных» задач, решение которых необходимо для достижения цели правового мониторинга (с. 13, 102, 104–105). Как утверждает автор, «правовой мониторинг институтов государства позволяет определять способность организационной структуры в соответствии с ее правовым и материальным обеспечением эффективно выполнять заданные функции» (с. 60). *Во-первых*, каковы критерии, по которым может оцениваться эффективность государственных институтов? *Во-вторых*, почему в собственном мониторинговом исследовании автора отсутствует

такая оценка? Вероятно, здесь возможны два ответа: либо данное исследование выполнено с нарушениями рекомендуемой самим же автором методологии, а следовательно, не достигло своей цели, либо является не мониторингом государственного института, а ровно тем, чем оно является, – анализом правовой культуры мировых судей Калининградской области.

Вместе с тем несмотря на наличие спорных положений, диссертация Е. С. Фадеевой является самостоятельной, очень добросовестно выполненной научно-квалификационной работой, которая представляет собой личный обладающий научной новизной вклад автора в разработку методологии мониторинговых исследований в сфере права.

Научная новизна и значимость диссертационного исследования Е. С. Фадеевой заключаются в решении важной для теоретико-правовой науки задачи: дополнении и конкретизации теоретико-методологических основ мониторинга правовой системы и разработке структурно-функциональной модели мониторинга институтов государства. В рамках проведенного исследования Е. С. Фадеева впервые в юридической науке предложила определение мониторинга институтов государства, разработала ряд классификаций, связанных с предметом исследования (например, классификация субъектов мониторинга институтов государства), предложила решение проблемы целеполагания при осуществлении мониторинга институтов государства. Разработанная Е. С. Фадеевой структурно-функциональная модель мониторинга государственных институтов имеет не только теоретическое, но и прикладное значение и может быть использована при проведении соответствующих мониторинговых исследований.

Личный вклад Е. С. Фадеевой в проведенное исследование подтверждается самостоятельностью в определении научной проблемы, постановке цели и задач исследования, корректном выборе методов исследования, в осуществленном лично сборе и обработке источников и получении новых научных результатов, в публикациях, выступлениях на научных форумах и самостоятельно проведенных мониторинговых исследованиях.

Диссертация на тему «Правовой мониторинг институтов государства» является самостоятельной научно-квалификационной работой, по содержанию и форме соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, предусмотренным п. 9–11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 01.10.2018 г., с изм. от 26.05.2020 г.), а ее автор – Фадеева Елена Сергеевна заслуживает присуждения искомой ученой степени по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Официальный оппонент:

профессор кафедры теории и истории государства и права
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования

«Санкт-Петербургский государственный университет»,
доктор юридических наук (специальность 12.00.01 – теория и
история права и государства; история учений о праве и государстве), доцент

Елена Владимировна Тимошина

Подпись Е.В. Тимошиной удостоверяю

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

15. 02. 2021.

Адрес организации: 199034 Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб.,
д. 7–9

Телефон: +7 (812) 363–68–26

E-mail: spbu@spbu.ru

Сайт: <https://law.spbu.ru/>

15 февраля 2021 г.